

Брат ушёл. Показатели загрязнения на датчике постепенно снижались, давая Лу Яню возможность перевести дух. Длина цепи позволяла Лу Яню дойти от кровати до туалета. Глаз в углу стены следил за каждым движением "сестры". Создавалось ощущение, что за ним постоянно наблюдали, что вызывало весьма неприятное чувство.

Помимо кровати, в спальне были телевизор, письменный стол, книжный шкаф и туалетный столик. Столик был завален косметикой и средствами по уходу за кожей. Лу Янь взял наугад баночку с кремом и увидел знакомую марку — "La Mer".

Сам Лу Янь пользовался только "Longliqi" и вазелином, но он краем уха слышал о стоимости "La Mer". Судя по всему, "сестра" вела роскошную жизнь.

В комнате не было часов, и Лу Янь достал телефон, чтобы проверить время. 9 часов утра.

В центре уведомлений мигал значок нового сообщения.

Лу Янь открыл его и увидел, что отправитель — Линь Сынань.

— Ты где? Почему тебя нет?

За окном светило яркое солнце, но в комнате было прохладно. Лу Янь тихонько выдохнул. Это сообщение его немного успокоило. Раз уж мёртвый «Линь Сынань» всё ещё может отправлять сообщения, значит, тот, кого он видел, не был настоящим Линь Сынанем.

Ему захотелось позвонить, но он сдержался. В фильмах ужасов люди, которые совершают безрассудные поступки, редко живут дольше десяти минут. Если, конечно, они не главные герои.

К его удивлению, в списке контактов появился незнакомый номер. В примечании значилось: «Лу Цзяхэ». Последнее сообщение по этому номеру было отправлено в декабре 2111 года.

Лу Янь открыл переписку. Почти все сообщения были отправлены с того номера. Он прокрутил чат вверх, решив начать с самого начала.

Первое сообщение было датировано 2109 годом.

- Ты сказала, что у тебя после уроков дополнительные занятия, и просила не приходиться. Что это?

Следующим сообщением была фотография. Сделана она была, очевидно, тайно. На ней были видны только спины парня и девушки, державшихся на приличном расстоянии друг от друга.

- Ты опять за мной следишь?!

- Я просто волнуюсь за тебя.

- Ты больной? Отвали.

- Сегодня годовщина смерти родителей. Пойдём вместе на кладбище?

- Ты ещё смеешь вспоминать о родителях? Если бы не ты, они были бы живы.

- Как дела в школе? Учительница сказала, что ты подралась с одноклассницей. Что случилось?

- Я не могу оставить тебя одну. Вернись-ка я в город М.. Да, он не сравнится с Пекином и Шанхаем, зато так я смогу заботиться о тебе.

- Не нужно.

У этих брата с сестрой были странные отношения. По большей части это были обыденные сообщения. Однако почти год между ними не было никакого общения. Лу Янь нахмурился и пролистал переписку до конца.

- Лу Янь. Где ты? Ответь мне. Возьми трубку!

- Не бросай брата, умоляю.

Интернета на телефоне по-прежнему не было. Лу Янь открыл WeChat, но там всё ещё были его собственные контакты. Аккаунт не превратился в учётную запись "сестры Лу Янь". Он немного подумал и включил телевизор в спальне, переключив его на новостной канал.

Как он и ожидал, в левом нижнем углу экрана появилась дата. 21 июля 2111 года.

Диктор читал местные новости.

— Недавно в нашем городе произошёл вопиющий случай...

Лу Янь подошёл к письменному столу. Сверху лежал модный журнал, а рядом с лампой — ряд флакончиков с лаком для ногтей. Под журналом он нашёл табель с оценками. Имя Лу Янь было предпоследним в списке. Очевидно, "сестра" плохо училась - неудивительно, что Лу Цзяхэ так о ней беспокоился.

В сочетании с её тоном, в голове Лу Яня возник образ избалованной хулиганки.

Под столом стояли три запертых на замок ящика. Лу Янь не нашёл ключа, поэтому просто сложил руки вместе и сказал в воздух:

— Прошу прощения.

Затем он ударил кулаком по каждому из ящиков. Раздался громкий треск. Дверцы разлетелись вдребезги. Лу Янь, не меняясь в лице, достал то, что искал.

В первом ящике лежала фотография, на которой были изображены мужчина, женщина и ребёнок. Мальчик выглядел очень скованно, но в его чертах угадывался Лу Цзяхэ. На заднем плане виднелись ворота «Осеннего Горного Приюта».

Под фотографией лежало свидетельство об усыновлении. Родители Лу Цзяхэ погибли во время землетрясения, и его, оставшегося сиротой, усыновила бездетная пара — будущие родители Лу Янь.

Во втором ящике лежал документ о смерти. На первом курсе университета Лу Цзяхэ не успел купить билет на поезд домой к Новому году. Родители Лу Янь решили сами забрать его, но попали в автокатастрофу и погибли.

В третьем ящике лежал дневник.

Лу Янь открыл первую страницу. На ней не было даты, а сам текст был написан неровным детским почерком. По мере того, как он листал страницы, почерк становился всё увереннее, а тон — взрослее.

"Это я должна быть родной! Я!

"Я не его сестра!"

"Сегодня при всех сказала, что родители Лу Цзяхэ умерли, и мы его приютили. Он выглядел таким грустным. Мне стало немного стыдно... Чёрт, как же меня это бесит!"

"В этом году я сказала Лу Цзяхэ, чтобы он не приезжал на Новый год. Я хочу провести праздники с мамой и папой, а не с ним".

"Блин, родители поехали забирать это ходячее несчастье".

Лу Янь дочитал дневник до последней страницы.

Теперь он примерно понимал подоплёку этого сна.

Лу Янь родилась в семье, где мальчиков ценили больше, чем девочек. Её родители по разным причинам не могли иметь детей, поэтому усыновили Лу Цзяхэ. Однако в отличие от большинства усыновленных, Лу Цзяхэ взяли в семью уже в довольно взрослом возрасте.

Казалось бы, на такого красивого и здорового мальчика желающих должно было быть хоть отбавляй, но, как ни странно, семьи, которые брали Лу Цзяхэ к себе, в конечном итоге сталкивались с теми или иными несчастьями. Кто-то разорялся, кто-то заболел... В итоге Лу Цзяхэ трижды возвращали в приют.

В год, когда его усыновили, Лу Янь было шесть, а Лу Цзяхэ — семнадцать. Она не испытывала к внезапно появившемуся брату ни капли любви. Как дикий зверь, защищающий свою территорию, она относилась к нему с враждебностью. Но Лу Цзяхэ дорожил тем, что имел, и изо всех сил старался хорошо учиться, слушаться родителей и быть хорошим братом. Он терпел все её капризы и вспышки гнева.

Но несчастье всё же постучалось в их дом. Родители Лу Янь погибли в автокатастрофе по дороге за Лу Цзяхэ. К счастью, Лу Цзяхэ уже давно достиг совершеннолетия и мог взять на себя ответственность за воспитание сестры, хотя для него это и было слишком рано. После потери родителей гиперопека Лу Цзяхэ над единственной сестрой стала практически болезненной. Он контролировал её друзей, её отношения, всю её жизнь, пытаясь создать для неё безопасный, стерильный вакуум.

Он готов был вырвать своё сердце и показать ей, как сильно оно бьётся, но сестра так и не открыла ему свою душу.

Когда Лу Янь вступила в подростковый возраст, её поведение становилось всё более вызывающим. Но Лу Цзяхэ, не будучи ей родным братом, не мог найти к ней подход.

— Это сон Лу Янь или Лу Цзяхэ? — задумчиво спросил себя Лу Янь, закрывая дневник.

Он был склонен считать, что это всё же был сон сестры. В этом мире камеры видеонаблюдения превратились в отвратительные глаза, а братская забота — в сковывающие цепи. Оставалось непонятным только одно: если он и есть Лу Янь, то где настоящая Лу Янь?

Новости подходили к концу.

— Это было жестокое ограбление с изнасилованием... Мать подозреваемого, Чжана, работала у Ли домработницей. От неё Чжан узнал, что Ли часто ездит в командировки, и в доме обычно никого нет, кроме жертвы. Тогда у него и созрел план ограбления. Жертва, как правило, жила в школьном общежитии, но в тот день прогуливала уроки и осталась дома. Домработница, ставшая свидетельницей преступления, помогла Чжану спрятать тело и удалить записи с камер видеонаблюдения. Она солгала полиции, что девушка просто ушла из дома.

После новостей на экране появились помехи, а затем он и вовсе погас.

Говорили, что сны — это отражение подсознания. Лу Янь не верил, что это был просто случайный выпуск новостей. Он посмотрел на потухший экран и удивлённо произнёс:

— Значит, она умерла?

Лу Янь долго пытался снять с ноги цепь, но безуспешно. Уровень его мутации на часах поднялся до 337. Чешуя, помимо рук, появилась и на спине. Из-за недостатка влаги она топорщилась, причиняя боль всему телу.

Повышение уровня мутации не было таким уж плохим знаком. По крайней мере, Лу Янь чувствовал, что его тело стало сильнее. Он сохранял позитивный настрой и даже оторвал одну чешуйку, чтобы изучить её поближе. Судя по цвету и форме, после полной мутации он, скорее всего, превратится в карпа кои.

"Карп кои — символ удачи", подумал он. "Неудивительно, что мне так везёт".

Днём внизу послышался шум.

— Сестрёнка, — позвал Лу Цзяхэ снизу.

Показатели на датчике Лу Яня резко подскочили. Лу Цзяхэ открыл дверь. Он был весь покрыт кровью. Чёрный костюм промок насквозь, и каждый его шаг оставлял на полу кровавый след.

Тело Лу Цзяхэ было изуродовано мутацией. Помимо кровоточащих ран, на его руке, торчавшей из рукава, виднелись острые, как бритва, костяные наросты.

— В городе появилось много странных людей. Мне кажется, они хотят тебе навредить. Но не волнуйся, брат всех их убьёт, — произнёс он самым нежным голосом, каким только мог. Будто говорил о хорошей погоде. — А ещё я зашёл на скотобойню и купил свеженького мяса. Давно я тебе не готовил. Спускайся ужинать.

Услышав слово «Скотобойня», Лу Янь не смог сдержать удивления.

В зоне заражения А-класса, в городе Х., было заведение с таким же названием. Его хозяином был мутировавший свиночеловек.

Лу Янь видел фотографии "Скотобойни" в документах. Чистенькая фабрика, человеческие тела, подвешенные на крюках, словно туши свиней, движущиеся по конвейерной ленте... Если не считать кишок и глазных яблок в мусорных баках, то зрелище было вполне в духе современной индустриальной эстетики.

Лу Цзяхэ приковал цепь к ножке стола. Кухня была полуоткрытой, поэтому Лу Янь был вынужден наблюдать за тем, как Лу Цзяхэ готовит.

— Сегодня купил молочного поросёнка, — сказал Лу Цзяхэ. — Мясо — пальчики оближешь.

Ему даже не нужен был нож. Одним взмахом белоснежного костяного лезвия он отсёк голову младенцу. Ребёнку было около четырёх-пяти месяцев, и на скотобойне его уже успели выпотрошить.

Лу Цзяхэ разделявал тело с таким же безразличием, с каким обычный человек готовит ужин. Разница была лишь в том, что ему не нужно было разводить огонь. На кончиках его пальцев вспыхнули бледно-розовые язычки пламени, и мясо, подрумяниваясь под воздействием реакции Майяра, начало источать аппетитный аромат. С шипением стекающий жир капал на столешницу.

Именно в этот момент Лу Янь отчётливо осознал разницу между людьми и мутировавшими. Как бы они ни были похожи внешне, в глазах мутантов люди — всего лишь скот.

«Задумываются ли люди о том, что чувствуют животные, когда едят их мясо?» подумал Лу Янь. «Переживают ли они из-за того, что свиньям больно и страшно, когда их ведут на убой, а перед

смертью подвешивают за ноги и ждут, пока из них вытечет вся кровь? Нет. Ведь их так и выращивают — на убой".

Человечину, приготовленную в форме бараньих рёбрышек, подали на стол, аккуратно нарезанную на небольшие кусочки. На тарелке, украшенной морковью и брокколи, лежал кусок мяса с кровью, политый каким-то ярко-красным соусом. На срезе, вероятно, виднелись розовые мышечные волокна.

Лу Цзяхэ посмотрел на него своими бездонными глазами и спросил:

— Сестрёнка, попробуешь?

Лу Янь не прикоснулся к еде.

— Не хочу, — произнёс он, впервые за всё время нарушив молчание.

На лице Лу Цзяхэ отразилось замешательство.

— Не нравится, как приготовлено? - он протянул руку, вонзил костяное лезвие в плоть, подцепил кусочек мяса и попробовал его. — Вроде бы вкусно, — сказал Лу Цзяхэ. — Ты и так худенькая. Зачем тебе худеть ещё сильнее? Ты же растешь, не нужно капризничать.

К концу фразы его голос стал заметно строже, в нём слышались нотки раздражения.

Лу Янь взял палочки для еды и надолго задумался. У него зародилось одно предположение, но если он ошибался, то ему придётся столкнуться с гневом мутанта, уровень загрязнения которого превышает 9999 единиц. В его нынешнем состоянии даже десяти Лу Яней было бы недостаточно, чтобы справиться с Лу Цзяхэ. Но...

Лу Янь посмотрел на человечину в тарелке и со всей силы бросил палочки на стол.

— Какое тебе дело?! Достал! Сказал, что не буду есть, значит, не буду! Твоя стряпня мне тоже не по вкусу, от одного твоего вида тошнит!

Лу Цзяхэ застыл с опущенными плечами, как побитая собака.

— Тогда... Может, закажем тебе что-нибудь?

— Не надо, не хочу, — раздражённо ответил Лу Янь, отворачиваясь. — Я не голоден.

— Хорошо, — поникшим голосом ответил Лу Цзяхэ.

Лу Янь встал, собираясь вернуться в комнату, но его движения сковала цепь на ноге.

Возле обеденного стола цепь стала короче и позволяла ему сделать всего пару шагов.

— Я хочу в свою комнату, отцепи меня, — сказал Лу Янь, указывая на цепь.

Он и так был не особо эмоциональным человеком, и эта вспышка гнева практически полностью истощила его запасы эмоций на ближайшую неделю.

Лу Цзяхэ решительно покачал головой.

— Нет. Если я тебя отцеплю, ты снова сбежишь. Я не могу этого допустить, снаружи слишком опасно.

«Брат, ты себя-то видел?», подумал про себя Лу Янь.

Весь внешний мир не представлял и десятой доли той опасности, что исходила от него самого. За то время, что Лу Янь провёл за столом, его уровень мутации вырос до 92. Он не знал, что произойдёт, если этот показатель превысит 100 единиц, но что-то подсказывало ему, что ничего хорошего.

— Когда я разберусь со всеми опасностями, ты сможешь вернуться к учёбе...

— Лу Цзяхэ, — внезапно произнёс Лу Янь, — я не твоя сестра.

В другой ситуации он никогда бы не позволил себе такой импульсивности. Сначала он думал, что хозяйкой сна является его сестра, но она была мертва. Оставался только Лу Цзяхэ, и у него не было другого способа разбудить его. Если он будет тянуть и дальше, то уровень мутации превысит 100, и он всё равно умрёт.

Эти слова словно нажали на какой-то скрытый переключатель. Яркое небо за окном в одночасье заволочло тучами. Лу Цзяхэ поднял голову и прищурился. В его чёрных глазах вспыхнули кровавые искры.

Мутант встал и подошёл к нему. Цепь, обвивавшая его руку, поползла вверх, сдавливая Лу Яню горло. Доктор закашлялся, задыхаясь. Едкий запах серы проник в его ноздри, заставляя глаза слезиться. Сердце бешено колотилось в его груди, но это был не страх, а инстинктивная реакция жертвы, столкнувшейся со своим преследователем.

Лу Цзяхэ положил руку ему на шею, сжал её и оторвал чешуйку. На коже выступила кровь, пачкая воротник рубашки. Было больно. Как будто ему вырвали зуб без анестезии.

— Не говори глупостей, сестрёнка, — прошептал Лу Цзяхэ, стирая окровавленной рукой слёзы с его лица.

<http://bllate.org/book/14255/1260598>